

Культура. 2000. - 3-9 февр. - с. 7

Сибиряк стал немножко карело-финном

Мюд Мечев в Российской академии художеств

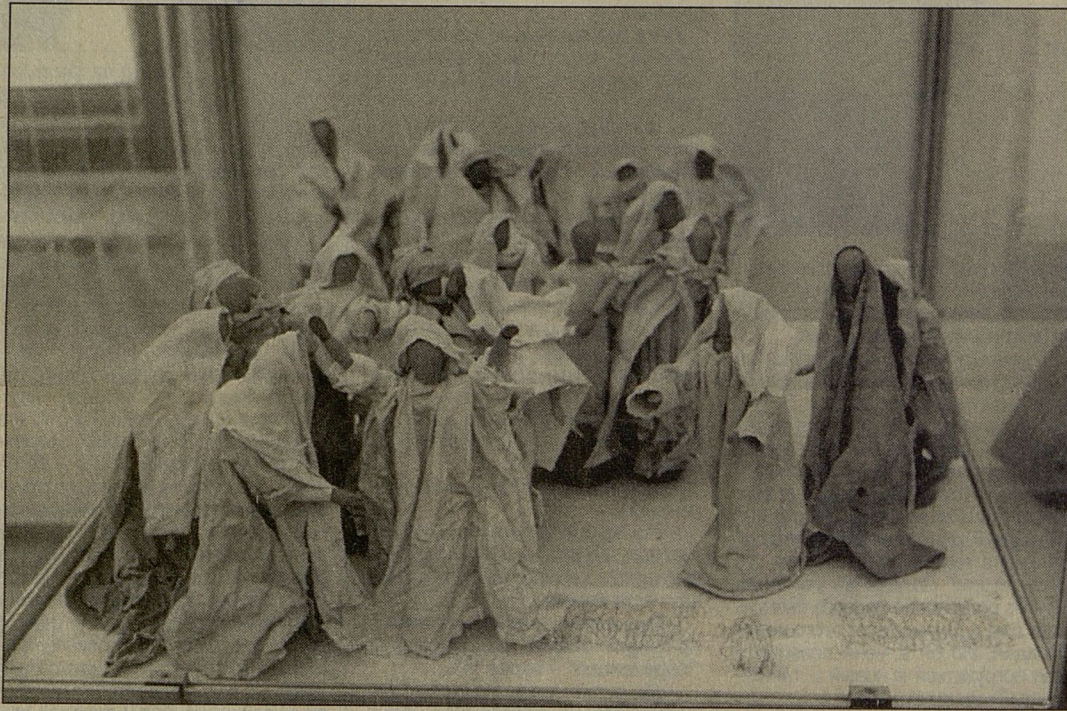

В течение многих лет Мюд Мечев был известен и зрителям, и коллегам-художникам прежде всего как иллюстратор национального карело-финского эпоса "Калевала", его тонкий интерпретатор, автор очень верных, очень соответствующих духу "Калевалы" композиций, как исполненных акварелью, так и сделанных в технике гравюры.

Признаться, мы были убеждены, что Мюд либо родом из Карелии, либо сам карел или финн по национальности. Его не совсем обычное имя — Мюд Мариэвич — и впрямь казалось каким-то "финским". А это была всего-навсего память о комсомольской юности его родителей; дань увлечениям двадцатых годов, когда имел такое важное значение Международный юношеский день и эмансипированная мама Мария дала сыну в качестве отчества свое, а не отцовское имя.

"Обреченный" на интернационализм, Мюд не предал родителей: каждый народ, к литературе которого он обращается, становится ему родным, понятным, "своим". Начав работу над иллюстрациями к эпосу — самому национальному, что только есть в литературе, будь то карело-финская "Калевала" или русская "Повесть временных лет", — Мечев уходит в тему с головой, не оставляет ее десятилетиями, возвращается к ней вновь и вновь. Книга становится частью его жизни; он обретает сходство со своими героями; живет их чувствами, смотрит на мир их глазами... Впрочем, это вообще свойственно русской школе иллюстрации, русским художникам книги.

В 1949 году, всего двадцати лет от роду, начал он работать над иллюстрациями к "Калевале", за семь лет сделал более 200 акварелей; в 1957 году "Калевала" с иллюстрациями Мечева вышла в Петрозаводске. И дальше, вплоть до наших дней, не расстается Мечев с темой Карелии, Финляндии. Творческий облик художника во многом определяют гравюры к "Калевале" 1970-х годов, станковые пейзажи из цикла "Север": "Карелия", "Белые ночи Карелии", "Карельские эпические песни", "Озера" 1960 — 90-х; серия "Прекрасная Финляндия" 1980 — 90-х — сотни работ, остро и точно нарисованных, очень близких своей скупой сдержанностью, своим свинцовым, серебристо-сизым колоритом характеру северной природы. В Карелии, как и в Финляндии, его, кажется, считают своим национальным художником: его персональные выставки проходят в Хельсинки чуть ли не каждый год; последняя была в 1999-м. Выставка, проходящая сейчас в залах Российской академии художеств на Пречистенке, также состоялась при участии спонсоров-финнов фонда Ээро Рантанена, госпожи Пулму Маннинен.

Вверху: М. Мечев. "Стоящие перед распятием". Внизу: на выставке в Российской академии художеств

За 50 лет увлечения Карелией Мюд Мечев, по происхождению сибиряк, и в самом деле, стал немножко "карело-финном". Его красивое, светлое лицо, весь его облик и впрямь близки северному, прибалтийскому типу, а точнее — славянскому домонгольской поры. На Севере, куда не доходили "татары", сохранился этот тип: тонкие правильные черты, большие глаза цвета северного неба, северного моря...

От русского Севера, заповедного края лесов и озер, узорчатых деревянных церквей-теремов, колдовских белых летних ночей и белых снежных зим, не так уж далеко было добраться художнику до Нестора-летописца, его "Повести временных лет", летописи драматических и трудных лет истории Древней Руси. Вновь на десятилетия растянулась эта встреча: первые гравюры были сделаны в 1975 году; завершилась работа (если завершилась!) в 1990-е. Книга под названием "Хроника Нестора" вышла в Финляндии в 1994-м. Мечев обратился к древнерусской книжной миниатюре, гравюрам, украшавшим рукописные книги. Рисунок обрел черты стилизации в духе древнерусского искусства — прием, закономерный и оправданный, хотя в принципе чуждый творчеству Мечева. Обычно художник, даже в иллюстрациях к эпосу, обращается непосредственно к натуре, к живой реальности. Но христианская тема, проходящая лейтмотивом через всю летопись и связанная с крещением Руси, с Киево-Печерской лаврой, в лоне которой и была создана в XII веке монахом Нестором "Повесть временных лет", явилась предвестием евангельской серии;

последней по времени "ипостаси" Мюда Мечева — иллюстратора Нового завета.

После семидесяти лет фактического запрета библейские, евангельские темы буквально ворвались в наше искусство. В кратчайший срок возродилась — и очень ярко — традиция церковного оформления: росписи, мозаики, сделанные не профессионалами-иконописцами, но "светскими" художниками. Немало появляется на выставках станковых вещей религиозного плана. Многим показалось, что "авангардное" искусство — отстраненное, условное, отказавшееся от изображения жизни в формах самой жизни, легко справится с сакральной, мистической, религиозной темой. Насколько эта надежда оправдается — пока рано судить, но Мюд Мечев в своих иллюстрациях к Евангелию пошел совсем иным путем.

"И Слово стало плотью, и обитало с нами, полное благодати и истины"... Земная жизнь Христа Сына Божия, — "вочеловечившегося" в галилейском плотнике Иисусе Назаретянине, прослежена художником четыре раза, как четыре раза проходит она перед нами в Евангелиях от Матфея, от Марка, от Луки и от Иоанна. Более 300 рисунков! Сделанные тонким перовым штрихом, текучими прозрачно-серебристыми контурными линиями, рисунки следуют за каждой главой, каждым "стихом" Евангелий, комментируют их внимательно и подробно. Мечев воспринял в евангельских текстах то, что в них часто не замечают: поразительную историческую и национальную достоверность. Стремительно развивающиеся события трех лет мессианской деятельности

Иисуса проходят у художника не просто на фоне, но в самой гуще жизни еврейского народа, среди бурлящей, воющей, стонущей восточной толпы, требующей насыщения, исцеления, благословения... Народ у Мечева не абстрактная человеческая масса: в многофигурных композициях предстают десятки характеров, множество лиц, каждое из которых неповторимо индивидуально; сотни жестулирующих, просящих, взывающих о помощи рук — иссохших от голода, искривленных болезнями, покрытых коростой...

Верный своему острому чувству национального, Мечев сумел передать именно еврейскую толпу, народ Палестины первого века. Не только характерные типы лиц, но характерные жесты, складки и линии национальных одежд, переданных со скрупулезной исторической точностью, воссоздают атмосферу времени, его напряженные ритмы, его все более нагнетающийся трагизм. Своей работой Мюд Мечев, сам того, вероятно, не предполагая, подтвердил абсолютную подлинность Евангелий, столь упорно оспариваемую "научным атеизмом". Евангелия не могли быть скопированы, как долгое время утверждала библейская критика, по каким-то чужим источникам, во втором, а то и в третьем веке, где-то в Александрии или Риме. Его могли создать только непосредственные участники евангельских событий, люди из ближайшего круга Иисуса, знавшие каждый камень в Иерусалиме, каждого нищего у его ворот. Сами, своими глазами должны были они видеть и эти толпы калек, осаждавших Иисуса; и этих

женщин-мадонн, приносивших к нему своих младенцев с просьбой о благословении, и эти сотни голов под характерными арабскими покрывалами, сотни глаз — испуганных, участливых, злорадных, равнодушных, любопытных, следящих за каждым шагом Христа вплоть до последнего Его часа, до ступившей над Голгофой апокалиптической тьмы.

Неудивительно, что так знал и ощущал все происходившее апостол-мытарь евангелист Матфей, изображенный на "портрете", предвещающем Евангелие от Матфея, худым аскетом с огромными скорбными еврейскими глазами; похожий на самого Иисуса, каким Он предстает в росписях храма Христа Спасителя. Но откуда узнал, как смог так остро ощутить национальную и историческую достоверность евангельского рассказа русский художник XX века, да еще выросший и проживший более 50 лет в безбожное советское время?

Иисус у Мечева — прежде всего реальный живой человек, изящный, тонкий, с усталым немолотым лицом. Погруженный в свои думы, он медленно преломляет мацу тонкими худыми пальцами, и кажется, мы слышим, как шепчут его губы пасхальную еврейскую молитву. Ласковым движением, исполненным бережной нежности, благословляет ребенка... Ничего мистического, "потустороннего" нет в нем — только мудрая отрешенность раввина, величавое благородство античного философа, бесконечная душевная щедрость целителя. Что ж, Иисуса не раз пытались — да и сейчас пытаются — представить просто человеком, праведником, учителем, но не Богом. Кажется, что и Мечев пошел по этому пути; поставил себе задачу приблизить к нам Христа, максимально его "вочеловечить". Ему, несомненно, удалось заставить зрителя так же полюбить своего героя, как полюбил он его сам. Великим счастьем для множества людей стало бы издание Евангелий с иллюстрациями Мечева.

Но что-то в самом рисунке, в его зыбкой призрачности выводит иллюстрации за пределы "этого мира". Видно, таков уж герой: полюбит его, поверит ему, как поверил Мюд Мечев, — неизбежно ощутишь в нем нечто такое, чему нет названия в атеистической лексике. Можно начать работать над Евангелием, не веря в божественность Христа, но нельзя пробыть рядом с ним долгие годы, сердцем пережить каждый момент его жизни — а только так умеет работать Мечев — чуть ли не "сораспаться" с ним — и остаться атеистом.

Даже, если при твоём рождении вместо крещения были "октябрьны", даже если тебя называли таким революционным, таким "безбожным" именем — Мюд...

Мария ЧЕГОДАЕВА

3.2.2000.

Мечев Мюд